
Женя Декина

Баг

Рассказ

Таня любила только красивых. Соседа — чемпиона области по плаванию, молодого физрука, который тискал ее в раздевалке, учителя пения из ДК. А Денис был просто одноклассник в дутой куртке с сытым выражением лица. Он провожал до дома, задавал вопросы и много спорил. После школы Таня уехала, они год не общались, а потом он неожиданно пришел. Перевелся в областной центр из-за какой-то мутной истории — то ли подрался с кем-то, то ли должен был подрасться — Таня не вникала. Ей было не до того, она мечтала выйти замуж за аспиранта с их кафедры и думала только о том, как понравиться его маме. Денис предложил подарить будущей свекрови собственноручно связанные варежки или напечь пирогов. Таня ни того, ни другого не умела.

Когда он появился в следующий раз, Таня уже сама училась в аспирантуре. Денис рассказал, что все эти годы бурил нефтяные скважины на крайнем севере, копил на жилье. Посмотрел на ее руки без колец и аккуратно спросил о маме аспиранта. Таня с трудом ее вспомнила. На этот раз она была безнадежно влюблена в женатого профессора. Денис оказался тоже женат, жена была беременна. Он позвал в гости, сам понимая, что Таня, конечно же, не придет. Она и не пришла. Время от времени они встречались и гуляли по огромному парку за Таниным домом. Денис, как в детстве, покупал ей мороженое с шоколадной крошкой, а Таня жаловалась на жизнь.

Профессор был биохимиком с соседней кафедры. Студентки его обожали: он пошучивал и флиртовал. Когда у него случалась лекция в соседней аудитории, Таня открывала дверь кафедры и садилась поближе к выходу — послушать. Иногда ей удавалось подловить его в преподавательской столовой, и они вели долгие занимательные беседы. Тане нравился его ироничный тон и особенное спокойствие — он будто бы родился изначально правым и знал об этом.

— Любви нет, — говорил он, разламывая котлету вилкой. — Это инстинкт.

— Ну да, и предрассудки, — улыбалась Таня. — Скажите это какому-нибудь юному Вертеру.

— Могу научно обосновать, — он поднимал на нее хитрый взгляд. — Но вы этого не хотите. Вы барышня и верите в любовь.

Декина Евгения Викторовна родилась в 1984 году в г. Прокопьевске Кемеровской области. Окончила Томский государственный университет по специальности «Современная литература и литературная критика» и сценарно-киноведческий факультет ВГИК. Лауреат Волошинского конкурса, лауреат премий «Росписатель», «Звёздный билет» и др.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 7.

— Хочу верить, — поправляла Таня.

— Ах да, вы уже отстрадали свое и в любви глубоко разочарованы.

Таня смеялась. Он приподнимал вверх не палец, как делают учителя, если ученик угадал правильный ответ, а вилку с кусочком котлеты. Он любил сочные пожарские, в одинаковых крупных сухариках.

— Ваш организм воспринимает мужчину только как партнера для продолжения рода. Вам нравятся те особи, генотип которых при скрещивании даст наилучший результат. То есть если доминантные гены партнера перекроют ваши рецессивные...

— Если я лысая, то мне нравятся волосатые, так? Или если я толстая, то мне нравятся худые?

Он засмеялся.

— Все гораздо тоньше, вы можете быть очень волосатой и любить еще более волосатого, но после сорока внезапно облысеете. Вы этого не знали, а организм знал. Он по запаху определил, что вот от этого будет здоровый, крепкий ребенок, а от этого — больной.

— То есть, если женщина выходит замуж не по любви, а из-за денег, то родится урод? И в случае изнасилования тоже?

Он расхохотался:

— Такими темпами мы с вами к десерту сверхновый завет напишем.

— Но это многое объясняет. И то, почему женщины рожают от альфа-особей, а растят потом с бета и гамма.

— Эта классификация научно не подтверждена. Что такое альфа-особь в современном мире? Илон Маск? Вассерман? Наш терпила-ректор? Или охранник дядя Вася, который лупит студентов?

— Правда лупит? — Таня не знала.

Денис разговоры их крайне интересовали, он переспрашивал, уточнял, даже сходил к профессору на лекцию и перед уходом заглянул к Тане. Ничего не сказал, только кивнул значительно — будто одобрил.

На сына профессора Таня случайно налетела в коридоре и испугалась. Он был так ослепительно красив, что Таня даже не оробела — забыла, что можно стесняться. Она бесцеремонно разглядывала его, пока он жал ей руку и произносил «Максим» глубоким бархатным голосом, пока провожала на нужную кафедру, пока говорила, где еще может быть его отец. И после — как зачарованная пошла за ним в столовую, хотя у нее уже начиналась пара, присела поболтать. И смотрела, смотрела, смотрела.

Он казался ненастоящим. Черные с отливом волосы, персидский разрез глаз, капризный изгиб верхней губы и при этом жесткий, мужественный овал лица. На него оборачивались. С такими данными он запросто мог бы сниматься в рекламе или играть в кино. А он сидел тут, в обычной Таниной жизни, за столом, и его белоснежная накрахмаленная рубашка была в разы свежее скатерти. Или ей просто так казалось.

Было видно жилку на его шее, и Таня представляла, как в момент страсти целует его, и жилка пульсирует у нее на языке. Крепкие руки с красивыми аккуратными пальцами обнимают ее. Тело его, загорелое, здоровое, будоражило так сильно, что Таня уставилась ему в переносицу. Она поняла вдруг, почему мужчины так безотрывно смотрят в глаза красоткам с глубоким декольте. Иначе невозможно себя контролировать. Он встал за солью — и Таня подумала, что у него совершенно непристойные бедра, ей в каждом движении видятся толчки, и она уже чувствует под ладонью его круглый упругий зад с неглубокими ямочками. Хотелось погладить. Всего целиком. И это была не обычная похоть, но еще и что-то похожее на состояние детской очарованности взрослым, который кажется особенным и прекрасным во

всем. Быть рядом, наблюдать, повторять движения, будто примеряя его мимику и жесты.

— Генетика, — профессор все понял и невесело усмехнулся. — Видите, даже дружбы не существует. Я думал, вы восхищаетесь моим умом.

— А вы моим? — парировала Таня, и профессор рассмеялся.

— Ну, ты же любишь качков, — улыбнулся Денис в ответ на ее излияния и посмотрел в глаза. Он пытался стереть с джинсов пятно от мороженого, но только размазал — оно стало похоже на пятно крови.

— Максим не качок, он просто... Я никогда таких красивых не встречала.

— Да ну, прошлый тоже был тот еще Кен.

— Кен?

— Ну, кукла. Пластмассовый такой.

Таня засмеялась. Бывший и правда был похож на куклу. А этот так порывисто двигался, что чем-то напоминал огромного годовалого щенка, который напустил на себя суровости, но постоянно выпадает из образа. Это завораживало.

— Мало щенков видел, — пожал плечами Денис. — Типа школьницы нескладной? О, а помнишь, у тебя гольфы были полосатые?

— При чем тут гольфы? Помню. Они у всех были.

— Полосатые только у тебя. Веселые такие, красно-белые.

Таня вспомнила, что какие-то и вправду были красно-белыми, она их ненавидела, потому что они напоминали костюм клоуна, но ее молдавская бабушка ходить по улице без гольфов не разрешала. В школе Таня их снимала и оставалась в чистеньких колготочках, не забрызганных сзади грязью, как у всех остальных. Именно из-за опрятного внешнего вида в третьем классе ее и выбрали читать стихотворение в парке, а потом сделали ведущей школьных праздников.

Тане было неловко оттого, что Денис помнит ее маленькой, и что он, возможно, влюблен в нее. Может быть, он думал о ней и воображал ее так, как она воображала теперь Максима. Максима хотелось обнимать, кормить, купать и расчесывать.

— Как ребенка что ли? — Дениса удивляли Танины признания.

— При чем тут дети? Ребенка ты купаешь, потому что он грязный, и кормишь, потому что он жрать захотел, а это для удовольствия. Наслаждаться человеком, понимаешь?

Денис не понимал. Он говорил о жене коротко — не ссоримся, добрая, вкусно готовит. В его описаниях не было ничего конкретного — блондинка с голубыми глазами, и Таня этого не понимала — будто бы Денису совершенно не важно, что это за женщина, о чем она думает, во что одета, есть ли у нее целлюлит.

— Да я не смотрел как-то...

— В смысле — «не смотрел»? Ты с ней не спишь, что ли?

— Ну, я же в темноте.

С другой стороны, он ко всему в жизни так относился — «Работаю. Платят. Хорошо, ага. Родила. Дочка. 3,65. Растет, ага». Как будто бы все в жизни — само собой разумеющееся, идет дождь, купить хлеба, растет дочка, маньяки всякие околачиваются.

— Чего?

Иногда он удивлял — говорил что-то такое вот, вышибающее. Таня за новостями не следила, слышала про какого-то маньяка, но всерьез не воспринимала.

— Да тебе-то чё, у тебя дочери нет, — пожимал Денис плечами. — Это мне вот надо чего-то думать будет, потому что в этом районе я ее в школу не отдам.

Таня тоже хотела дочь, и сына хотела, а потому сама нашла Максима в соцсети — ей пришлось вручную проверить около ста страниц его полных тезок. Она добавилась и за вечер посмотрела десять тысяч его фотографий. Это был конец. Она тут же написала, он ответил, они о чем-то поохотали, и Таню понесло.

Она воображала себе, как он спит обнаженный в ее постели. Вот она гладит его по голове так бережно, что он даже ничего не чувствует. Вот он жует, уткнувшись в телефон, и поднимает на нее взгляд, не заметив, что она подложила ему еще один, самый вкусный кусочек. Она покупает ему белый свитер — с его загорелой кожей будет фантастически красиво. И красная рубашка тоже. Он наливает себе воду из ее графина, вот этого, а Таня, проходя мимо, легонько щиплет его за зад, он вздрагивает и проливает, и они в шутку борются. Она подходит к нему и целует. И снова целует. И еще.

— Я бы его даже ревновала!

— Да ну, — покачал головой Денис, — ты никогда не ревнуешь. Просто интерес теряешь от ревности, и все. Ревнуют другие люди, и по-другому.

— А ты ревнивый?

Денис не ответил — он смотрел на киоск с газетами, мимо которого они проходили:

— Ты такое в пятом классе хотела, помнишь?

На передовице был портрет убитой девочки в пышном бальном платье.

Таня подумала, что девочка может оказаться ученицей Максима. Он был тренером по бальным танцам. И Таня, конечно же, сто раз пересмотрела все его видео — он не просто чинно кружил партнершу по залу, как другие, он сам становился танцем. Это было необычно и естественно одновременно, как странно, но органично идет по улице хромой человек, как певец в жизни говорит грудным низким басом. А это человек — танец. И на него никто никогда не подумает — красивому, успешному, увлеченному своим делом человеку незачем убивать. Интересно, как он злится? Наверное, повышает голос и говорит, часто моргая от непривычной громкости, потом вздыхает и сердито поджимает губы. Тоже красиво.

Через пару дней Таня дождалась Максима в столовой, пообедала с ним и его отцом, а потом он не ответил на ее сообщение. Просто не ответил и все — как если бы ему стало скучно или он на кого-то отвлекся. Этого Таня не ожидала. Она ходила около его дома — пыталась встретить. Снова написала ему в соцсети — он снова не ответил. Ни через час, ни к вечеру, ни на следующий день. Ей все всегда отвечали. Впрочем, раньше она и не писала первой.

Таня не понимала, куда себя деть. Удалила его из друзей, чтобы не видеть его фото, всплывающее среди тех, кто онлайн. И поскорее добавила назад, пока он ничего не понял. Если спросит, почему, соврет, что комп затупил. И тут же поняла, что не спросит. Ему все равно, он ничего не заметил. Не заметил ее саму, не заметил ее сообщения, которое потонуло в тонне «приветкакделачёделаешь» от всяких баб, которые ходят к нему совсем не затем, чтобы научиться танцевать. Он не заметит, даже если она из этой вселенной удалится. Но почему? Почему? Она же умная, красивая, веселая, добрая, она же подходит. Или нет?

— Да кончай ты мозги себе кипятить! — Денис не понимал.

— Не могу. Это примерно, как вирус, работает, понимаешь? Вот захотел ты торт, и тебе все этот торт напоминает. И земля похожа на шоколадный крем, и птичка пролетающая яйца откладывает, а из них торт испечь можно...

Денис расхохотался.

— Нет, я серьезно. И ты, как одержимый, все к этому тарту подтягиваешь.

И в магазинах только торты продаются, и в полях пшеницу для муки выращивают, и коровы сливки для крема дают...

— И захавать его становится пипец важно, аж крышак подъезжает, — кивнул Денис. — Знаю.

— Вот! И чем дольше ты этот торт не получаешь, тем сильнее ты его хочешь. А хуже всего то, что я сама себе этот торт придумала. Не готовый какой-то, а именно сама. Намечтала всякого...

— Понял, ага. В готовом тебе чего-то там может не вкатить, а тут конкретно под тебя. Идеальный типа.

— Ну. А мечтать нельзя. Мечта — это вирус. Зараза, которая селится в твоём мозгу и жрет тебя, как опухоль.

— Не, ну бывает же хорошая. Типа детей родить или много бабла, например.

— Нет хорошего и плохого. Вдруг ты решил это бабло украсть. Или бабу украсть, чтоб она тебе родила.

— И чё делать?

— Психологи говорят, что подавлять желания нельзя, но можно сублимировать. Можно полюбить пряники, например.

— Шоколадные.

— Да пофиг какие. Будешь ты их жрать и представлять торт. И привыкнешь со временем, и забудешь, что тебе торт когда-то хотелось.

— Это у меня так по ходу.

— Про еду?

— Нет. Вообще. Но про еду тоже, — он поправил обручальное кольцо, сползшее к фаланге.

Период изживания Максима затянулся на годы. Таня срывалась, слушала его музыку, смотрела его страницу, фотографии его баб, воображала себя ими, злилась, потому что она точно была лучше. Во всем. Если бы была хуже, то могла бы направить эту энергию в позитивное русло — начать самосовершенствоваться, чтобы бабу его очередную догнать и перегнать. Но нет. Она шлялась под его окнами, искала общих друзей, встречала и не могла поздороваться от боли, плакала, забывала, но потом видела во сне. От этого бессилия еще больше презирала себя. Пыталась заменить его кем-то, все равно кем. Любой был одинаково не Максим. Потом и это прошло. Наступил период тупого обреченного смирения. Будущего с Максимом никогда не будет, а значит, уже не важно, что там, завтра.

Таня взяла это новой научной темой, хотя изначально было ясно, что никакого выхода быть не может. Ни один создатель виртуальной реальности не смог бы загнать ее в такую ловушку, в которую она себя загнала — графин, белый свитер, свадебное танго и пожарские котлеты его мамы. Мозг не компьютер, он не способен отформатировать сам себя, но Таня все равно пыталась.

Было холодно, и они с Денисом встретились в кафе. На входе он свернул рекламную стойку — зацепился рукавом. Это было странно, он был очень ловким, и Таня не помнила, чтобы он когда-нибудь падал или ронял что-нибудь.

— Тань, ты посмотри, какая ты стала... Он же тебя сломал. Убей его, — внезапно предложил он.

— Смешно, — ответила тихо Таня, хотя смешно ей не было.

— Не, правда. Хочешь, я убью?

— А смысл? У меня его сейчас нет, и если он умрет, то у меня он от этого все равно не появится.

- Ну полегче станет. Нет человека — нет проблем.
- Нет.
- Ты же не пробовала.
- Давай, я все, что не пробовала, делать начну, ага. Нет, я себя знаю. Я с ума сойду оттого, что я теперь убийца, и как жить, и вот это вот все. Я тебе гарантирую — через час сама в окно выйду.
- Странная ты все-таки, — вздохнул Денис и позвал официанта.

Мама говорила, что все будет хорошо. Просто Тане раньше везло, поэтому первая несчастная любовь случилась так поздно, и их столько еще будет... Таня хотела верить. Но прошел еще год. Таня уже почти успокоилась, а во время юбилея профессора снова увидела Максима. И все началось опять — новый виток безумия с выслеживанием, рыданиями в подушку, пьяными излияниями Денису и чередой нелюбимых мужчин. Жизнь заиклилась, и вырваться не получалось. В каком-то круге она собралась замуж за мужчину очень на него похожего, но перед свадьбой решила посмотреть на Максима — проверить, прошло ли. Не прошло. В следующем круге она переспала с Денисом, и он навсегда пропал.

Когда Таня серьезно заболела и попала в больницу, она даже обрадовалась — вот она, контр-идея, стихийное бедствие, война. Здесь, на краю жизни и смерти, Таня осознает всю глупость своих страданий и забудет. Главное — выжить. Но Таня переболела легко, без осложнений, и, выйдя из больницы, первым делом спросила у профессора, как Максим. Он был в порядке — открыл очередной филиал танцевальной школы и собирался жениться.

— Танечка, а это не ваш знакомый? — профессор протянул Тане газету. — Мне кажется, я его здесь видел...

На первой полосе был Денис. Маньяк Денис, убивший девочку в их родном городе, отсидевший за это, а потом убивший нескольких девочек здесь. Девочка в балльном платье. Девочка в красных полосатых гольфах. Девочка в белом свитере. Девочка с шоколадным пряником.

Никакой жены у него, конечно же, не было, дочери тоже. Наутро после секса с Таней он попытался убить старшеклассницу, которая несла торт на школьное чаепитие, но передумал и отпустил. Его искали, а через пару месяцев он сам пришел с повинной. Сказал, что все фигня. Вообще все.

Таня вспоминала их разговоры и поражалась собственной слепоте — он показывал ей газеты, он предлагал убить человека, он оттирал кровь с джинсов во время прогулки, он хотел освободиться от нее, но не мог — покупал мороженое, гулял, провожал домой, а потом убивал похожих на нее девочек. И в этом Таня была виновата — она могла это остановить. Но Таня страдала изо всех сил, переживала красивую драму неразделенной любви, истинное чувство, на которое уже не способны прагматики нашего времени. Она часами рассказывала Денису про Максима, она злила его, снова и снова, а поплатились за это случайные девочки. Мир вдруг представился ей единой субстанцией, где от действия одной силы меняется всё, где любовь оборачивается смертью, а красота — болью. И Таня вдруг увидела себя не романтической и чистой, а брезгливой и надменной. Она не согласилась на меньшее, на Дениса, она захотела самого лучшего, из-за этого вселенную перекосило и погибшим девочкам не хватило простейшего — жизни.

Профессор все еще стоял. Таня смотрела на него, вспоминала его сына и чувствовала, что любовь прошла. Вообще вся.

— Родить мне надо, вот что, — проговорила она тихо и вышла.